

УДК 930.85/94

Вититнев С. Ф., Шмелева А. В.

Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ В РАМКАХ КОНСЕРВАТИВНОГО ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является осуществление критического анализа теоретико-методологических подходов к изучению проблемы влияния византийской цивилизации на цивилизационное развитие России, характерных для авторов, представляющих консервативный дискурс в византивистике – историков, политологов, культурологов, философов.

Процедура и методы. В статье с диалектико-материалистических позиций, исходя из принципов историзма, системного анализа и компаративистики исследуется содержание воззрений авторов консервативной ориентации, выявляются положения и выводы, определяющие сущность консервативного дискурса в византивистике. Решению поставленной задачи служит привлечение широкого круга научных публикаций и источников по истории Византии и России.

Результаты исследования и выводы. Анализ позволяет утверждать, что для авторов, представляющих данный дискурс, характерно стремление идеализировать государственно-политическое устройство Византийской империи; преувеличение степени влияния византийской цивилизации на цивилизационное развитие и историческую судьбу России; изображение России как непосредственной исторической преемницы Византии, идентификация моделей их исторического развития на основе мифологизации концепции «Москва – Третий Рим». Делается вывод о том, что подобные попытки проводить субъективистские аналогии между Византией и Россией (не только в её историческом развитии, но и современном), их цивилизационная идентификация чревато совершением ошибок не только научного, но политического характера.

Теоретическая / Практическая значимость. Сравнительный анализ моделей цивилизационного развития Византии и России существенно расширяет дискурсионное поле отечественной византивистики. Выявленная специфика цивилизационного развития Византии и России, может быть учтена государственным руководством Российской Федерации при разработке стратегических приоритетов, целей и задач, а также способов осуществления политической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Византия, Россия, цивилизация, культура, «византизм», дискурс, идеология, национально-государственная самоидентификация, идейно-политическое единство, духовное и политическое наследие

СТРУКТУРА

[Актуальность исследования](#)

[О степени влияния Византийской цивилизации на историческую судьбу России](#)

[Идеализация Византийской цивилизации в современном консервативном дискурсе](#)
[Является ли Россия Цивилизационной преемницей Византии?](#)

[Проблемы цивилизационной идентичности России и Византии](#)

[Заключение](#)

S. Vititnev, A. Shmeleva

Moscow Region State University

24 Very Voloshinai ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

BYZANTINE CIVILIZATION AND ITS INFLUENCE ON THE HISTORICAL DESTINIES OF RUSSIA AS A SUBJECT OF COMPREHENSION WITHIN THE FRAMEWORK OF CONSERVATIVE SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT

The purpose is to conduct a critical analysis of theoretical and methodological approaches to the study of the problem of the Byzantine civilization's influence on the civilizational development of Russia, which is characteristic for the authors representing conservative discourse in Byzantium studies – historians, political scientists, cultural scientists, and philosophers.

Methodology and Approach. The article uses dialectical-materialistic positions and the principle of historicism for the system analysis and comparative studies in order to investigate the content of conservative scientists' views. Key provisions and conclusions that define the essence of the conservative discourse in Byzantium studies are singled out. To solve this problem a wide range of scientific publications and sources on the history of Byzantium and Russia were involved.

Results. The analysis suggests that the authors of this discourse are characterized by: the desire to idealize the state and political structure of the Byzantine Empire, the exaggeration of the degree of the Byzantine civilization's influence on the civilizational development and historical destiny of Russia, the image of Russia as the immediate historical successor of Byzantium, identification of models of their historical development based on the mythologization of the concept of "Moscow is the Third Rome". It is concluded that such attempts to draw subjective analogies between Byzantium and Russia (not only in its historical development, but also in modern one), their civilizational identification threatens to make mistakes not only of a scientific nature but also of a political one.

Theoretical / practical implications. Comparative analysis of models of civilizational development of Byzantium and Russia significantly expands the discussion field of Russian Byzantine studies. The revealed specifics of the civilizational development of Byzantium and Russia can be taken into account by the state leadership of the Russian Federation in developing strategic priorities, goals and objectives, as well as ways to carry out political activities.

KEYWORDS

Byzantium, Russia, civilization, culture, "Byzantium", discourse, ideology, national and state self-identification, ideological and political unity, spiritual and political heritage

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постсоветский период развития общественно-политической мысли в нашей стране ознаменован заметным ростом интереса со стороны целого ряда представителей научного сообщества: историков, философов, культурологов, филологов и др. к истории Византии, и в первую очередь, к вопросам, касающимся влияния последней на русскую историю, культуру, специфику направленности цивилизационного развития. Подобная тенденция заявляет о себе после того, как распался Советский Союз и резко сократи-

лась степень воздействия на общественное сознание существовавшей ранее официальной идеологии. К началу нынешнего века интерес к Византии возрастает ещё более, поскольку неудачи в проведении либеральных реформ ельцинской командой «младореформаторов», ухудшение отношений с США и другими членами Северо-Атлантического альянса наглядно показали, что органичное вхождение России в «семью» европейских народов, представляющих цивилизацию Запада, о чём мечтали правительственные либералы, оказалась невозможным. В этой ситуации со всей остротой возникает необходимость в осуществлении новой национально-государственной самоидентификации, что должно было найти отражение в мировоззренческих установках, способных выступить инструментом интеграции российского общества, заметно утратившим бывшее идейно-политическое единство [3].

Наличие соответствующего запроса заставляет многих представителей различных отраслей гуманитарного знания, в особенности позиционирующих себя как приверженцев консервативной идеологии, готовых поддерживать некоторые начинания действующей власти, а также способных улавливать её умонастроения, обратить свои взоры на Византию, образ которой должен был стать примером для подражания, вдохновляющим постсоветскую Россию. Подобный выбор имел под собой основания. Византийское государство, хотя и прекратило существование ещё в середине XV в., однако имело тысячелетнюю историю, вышло из лона древнеримской цивилизации, достаточно успешно демонстрировало способность противостоять натиску враждебных ей стран и народов, а также интегрировать в сложившуюся социально-политическую систему представителей различных этнических групп, при том, что государствообразующим народом оставались греки. К тому же преимущества Византии как объекта идентификации заключались в том, что она по целому ряду направлений имела в Средние века тесные связи с Русью, что в разные времена давало основания представителям тех или иных социальных кругов как близких к официальной власти и поддерживаемой государством церкви, так и враждебных им, подобно старообрядцам, в определённой исторической ситуации заявлять о политической, религиозной, культурной преемственности Российского государства по отношению к ушедшей в небытие империей. Именно поэтому в истолковании авторов, представляющих консервативное направление в византистике, Византия предстаёт как историческая, цивилизационная предшественница России, которая призвана стать продолжательницей её славных и великих дел, хранительницей полученной из её рук православной веры.

О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ СУДЬБУ РОССИИ

Следует заметить, что обращение к прошлому Византии с позиции: «История – это политика, опрокинутая в прошлое» – имела место и раньше как в странах Запада, так и в России. Нередко в публикациях содержались

крайне негативные оценки различных сторон исторического бытия этого государства, имевшие и антироссийскую направленность, поскольку в Западной Европе «уже с раннего Средневековья Византия рассматривалась как оплот схизмы и как опасный конкурент» [16, с. 67], а в последующие эпохи ассоциировалась то с царской Россией, то с Советским Союзом, традиционно воспринимаемыми как геополитический или классовый противник.

Особенно отчётливо эта тенденция заявляет о себе в эпоху Нового времени. Примером тому может служить утверждение Гегеля, согласно которому в Византии «христианство попало в руки подонков и необузданной черни, а её история ни что иное, как тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей и низостей»¹. Ошибочность данной позиции заключается не в критическом отношении к негативным явлениям, имевшим место в политической и духовной жизни Византии, а в их абсолютизации, нежелании видеть её вклад в сокровищницу мировой культуры. В этом отношении большую объективность демонстрирует Ж.-Ж. Руссо, обвинявший Византию в разврате и «испорченности», но, по признанию которого, она вместе с тем представляла как «прибежище наук и искусств, изгнанных из остальной части Европы»². Определённую предвзятость в оценке византийских порядков, в частности взаимоотношений церкви и государства, функционировании политических институтов можно обнаружить в работах английского историка А. Тойнби, писавшего, что византийские императоры превратили церковь в государственное ведомство, а Вселенского патриарха «в министра по церковным делам», в то время как в стране не было самоуправляемых университетов и городов³. А. Тойнби подчёркивает цивилизационную близость Византии и России, приобщившейся к новым для себя социальным ценностям путём подражания, замечая, что этот процесс берёт своё начало в конце X в. – начале XI в., когда византийская православная цивилизация переживала состояние надлома⁴. При этом выбор православия он определяет как ложный, противопоставляя ему выбор, сделанный странами Запада в пользу католицизма, позволивший им достичь значительных успехов.

Впрочем, столь категоричные утверждения, по словам С. Иванова, остались в прошлом, и в настоящее время вследствие стремления современной Европы к мультикультурализму, Византия пользуется «невероятным авторитетом» [10]. Примером тому может служить ряд публикаций европейских авторов о Византии, переведённых на русский язык, содержащих положения, направленных на разрушение сложившихся стереотипов. Так, английский историк Д. Харрис ставит под сомнение правильность утверждений о том,

¹ Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии : в 3 кн. Кн. 1. / пер. с нем.; вступ. ст. К. А. Сергеев, Ю. В. Петров. СПб., 1993. С. 335–336.

² Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М., 2000. С. 31.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. Е. Д. Жарков. М., 2010. С. 330–331.

⁴ Там же. С. 336–337.

что «византийцы не собирали и не вооружали легионы против своих врагов, игнорировали политическую и экономическую реальность, предавались церемониальным действиям, собиранию древностей, догматическим спорам и украшению церквей», поскольку если бы византийцы были «настолько бездеятельными и жалкими, то их государство не просуществовало так долго» [34, с. 17–18]. По словам другого английского автора Д. Херрин, Византия – это тысячелетняя цивилизация, которая на протяжении всего Средневековья оказывала влияние на все страны Восточного Средиземноморья, Балканы и Западную Европу, её «культурное и художественное влияние теперь считается непреходящим наследием [35]. Византиевед Д. Д. Норвич и вовсе полагает, что захват европейскими воинами-крестоносцами Константинополя в 1204 г. «нанёс западной цивилизации в культурном плане намного больший ущерб, чем разграбление Рима в V в. и сожжение Александрийской библиотеки в VII в.» «Возможно, – заключает Д. Д. Норвич, – это была самая страшная культурная катастрофа за всю мировую историю» [22].

В дореволюционной России комплексное изучение истории Византии берёт начало с XIX в. Уже тогда вопрос об отношении к Византии, её духовному и политическому наследию получил весьма неоднозначную трактовку. Если тяготевший к «западничеству» П. Я. Чаадаев, связывал цивилизационное отставание России от Европы с тем, что «мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения народов Севера»⁵, а В. С. Соловьев утверждал, что в Византии не ставилось никакой высшей задачи для жизни общества и государственной деятельности⁶, и империя в нравственном отношении умерла задолго до своего завоевания турками, то известный консервативный мыслитель К. Н. Леонтьев придерживался точки зрения, согласно которой Россия заимствовала у Византии основы «государственного и домашнего быта». Им введено в обращение понятие «византизм», дабы подчеркнуть специфику собственного истолкования культурного и идейно-политического наследия Византии [15, с. 94], К. Н. Леонтьев заявлял, что «византизм в государстве – значит самодержавие», в религии он значит христианство с определёнными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов». Согласно К. Н. Леонтьеву, в России византизм «нашёл Великого князя Московского, патриархально и наследственно управляющего Русью»⁷.

Что же касается периода существования Советского Союза, то восприятие Византии, исходя из существовавших идеологических критериев, было достаточно сдержанным, поскольку было известно, что в глазах Запада и

⁵ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избран. письма: в 2 т. М., 1991. Т.1. С. 331.

⁶ Соловьев В. С. Византизм и Россия // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 7. С. 287.

⁷ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Избранное / сост. И.Н. Смирнов; под ред. В. Л. Акопяна. М., 1993. С. 28.

либерально настроенной советской интеллигенции, она ассоциировалась и даже позиционировалась как тоталитарное государство, идейно-политический предшественник «советской империи» [16, с. 67].

ИДЕАЛИЗАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время идеи, высказанные К. Н. Леонтьевым, формулируемые им установки во многом корреспондируются с теми, что определяют специфику консервативного дискурса в византинистике и озвучиваются не только в научном, но и публицистическом ключе, закладывая фундамент заданной теоретической конструкции. Данное обстоятельство подчас придаёт декларативность характерным для неё положениям и выводам, что также связано с недостаточным вниманием к историческим фактам и заметной идеологизацией осваиваемой проблематики.

Стремление авторов, представляющих указанный исследовательский дискурс, постулировать цивилизационную, культурную, политическую преемственность, идущую от Византии к России, не только средневековой, но и современной, нередко приводит к тому, что его оборотной стороной становится вольная или невольная идеализация исторической роли Византии, её общественного строя, государственно-политических отношений, моральных, поведенческих норм, лежащих в основе деятельности людей и т. д. Так, согласно определению С. В. Посадского, эксперта Центра Гуманистической экологии и культуры, Византия – «миростроительное государство, стремящееся к распространению цивилизационной идеи», она «несла гармонию и стратегическую стабильность в европейские миры, что определялось её «особыми духовными чертами, характеристиками ценностного ядра её цивилизационной системы». Она была «цивилизацией культурного континуитета», воплощала «стратегии сохранения самобытности и преемственности развития культурных организмов, культурного универсализма, сформировавшись на основании «православной духовности и гуманизма» [25]. При этом Византия (как и её преемница Россия) является народно-историческим и нравственно-правовым государством, она воплотила идею «Дома – Семьи», задачей которого было сбережение и творческое возделывание природной и культурной среды», а «в её истории реализовался экологический императив» [25].

В том же ключе высказывается академик Российской академии художеств, историк искусств А. М. Лидов, по утверждению которого Россия наследует Византии особым образом, что предопределено самим характером восточно-римской цивилизации, для которой свойственно «иконическое» мировосприятие. Его сущность в том, что обыденный мир предстаёт как образ надмирного, невидимого, что находило выражение в «самоощущении «людей с рыночной площади, воина, ремесленника и крестьянина». Именно оно «есть полученное Россией наследство» [17]. Его значение столь велико,

что в России можно обнаружить «византийскую основу практически у всего» [17]. Византия, по словам А. М. Лидова, предстаёт как прекрасный лик, за которым множество слоёв сакральных смыслов. Отвергая утверждение А. Дж. Тойнби о том, что Византия – тоталитарное государство, он заявляет, что политическая жизнь Византии была организована особым образом, диссонирующим с нашим представлением о власти, защищающей интересы правящего класса [17], поскольку император видит свою главную роль в защите низших классов от притеснений. Культ же царя на Руси – это «продолжение жизни византийской модели императора-защитника» [17].

Согласно позиции одного из наиболее известных представителей современного евразийства А. Г. Дугина, Византия – подлинное христианское государство, «тысячелетнее царство», воплощение добра, в то время как Запад – воплощение зла. Всё, что написано плохого о Византии – ложь, которая выступает как приём идеологической борьбы со стороны Запада. Развивая эту мысль, А. Г. Дугин подчёркивает, что Рим, т. е. Запад, в отличие от Византии, «изначально уклонился от симфонии властей» и правильного духовного пути. Византия же основана на этой идее, смысл которой заключается в том, что император, василевс, является гарантом единства государства в светской области. И такого рода гармония придавала империи священный характер. Содержание же социально-экономической политики Византии заключается в том, что отдавалось предпочтение общинной обработке земель, создавались препятствия для распространения феодальных отношений «коммендации» – «бенефиции, которые постепенно привели Запад к капитализму» [8]. Помимо этого, отличительной чертой византизма является общинное землевладение, государственная поддержка сельской общины, стремление ограничить власть землевладельцев и отчуждение земель.

Эти суждения носят несколько односторонний и тенденциозный характер. Так, распространение «цивилизационной идеи» далеко не всегда было сопряжено с установлением «гармонии и стабильности» в евразийском мире. В истории Византии можно обнаружить немало примеров того, как империя силой оружия стремилась вовлечь в сферу своего влияния различные страны и народы. В этом отношении весьма показательна попытка императора Юстиниана (V в. н. э.) восстановить Римскую империю, которая в конечном счёте оказалась неудачной, поскольку предполагала восстановление изживших себя рабовладельческих отношений и находящихся в противоречии с «экономическими нуждами страны и населения» [7, с. 5–18]. Возникновение же так называемого «Византийского Содружества», которое, по словам английского историка русского происхождения Д. Д. Оболенского, простиралась от Финского залива до Южного Пелопонеса и от Адриатического моря до Кавказа [23, с. 4], было связано не только с налаживанием «культурных, религиозных торговых связей с Болгарией, Сербскими и Хорватскими землям» и т. д., но и захватническими войнами.

Примером чему может служить завоевание Болгарии в 1078 г. византийским императором Василием II, вошедшим в историю с говорящим за себя прозвищем «Болгаробойца», что заставляет задуматься об уместности использования понятия «содружество».

Весьма непросто формирование культурно-цивилизационной парадигмы, «ценностного ядра византийской цивилизации» (используя определение С. В. Посадского) проходило на территории самой Греции. После массового заселения Балканского полуострова славянскими племенами, «всегда готовыми на восстание, но не склонными платить налоги и придерживавшихся языческого вероисповедания» [7], по словам императора Константина Багрянородного, страна ославянилась и сделалась варварской [7]. Это заставляло правительство империи, столкнувшись с резко обострившейся национальной проблемой, применять в отношении непокорных переселенцев силу, совершать военные походы в сочетании с поощрительными мерами (понижение налогов, торжественные приёмы во дворцах и др.), что должно было способствовать обеспечению внутреннего порядка, в то время как перед византийским правительством стояла ещё более важная задача – установить единство и приобщить всё население к эллинизму и православию» [7].

Не менее остро стоял вопрос об устойчивости, эффективности, правовой основы деятельности высших институтов государственной власти. Обладая огромной властью, правитель Византии выступал как военный вождь и законодатель. Под влиянием Востока он сделался, по определению Ш. Диля, автократом, деспотом, располагающим абсолютной властью, а христианство превращает его в Божьего избранника и помазанника, представителя Бога на земле, равноапостольного государя [7]. Вместе с тем с конца IV в. до 1453 г. из 107 императоров только 34 умерли своей смертью, все прочие были убиты в результате многочисленных переворотов [7]. При том самое активное участие в переворотах принимали армия, возглавляемая тем или иным честолюбивым военачальником, жители столицы, недовольные политикой находящегося у власти императора (знаменитое восстание «Ника» в 532 г.) и даже церковь. Так, патриарх Керулларий в 1057 г., подготовив отстранение от власти императора Михаила VI, возводит на трон Исаака Комнина. Нередко в переворотах принимали активное участие члены правящей династии (та же династия Комнинов), что подробно изложено в трудах византийского историка Никиты Хониата.

Далеко не всегда на практике реализовывалась и теория «симфонии» светской и духовной власти. В период пребывания у власти Исаврийской династии (VIII в.) в стране развернулось движение иконоборчества. Его участники выступали против почитания икон как проявления идолопоклонства [2]. Император Лев III, видя в своём лице «верховного государя и священника», приказал удалять из церквей или закрашивать иконы, а его сын Константин V закрывал монастыри, превращая их в арсеналы, конюшни, казармы.

Как видим, когда светская власть была заинтересована в секуляризации монастырских земель, она забывала о «симфонии» в государственно-конфессиональных отношениях.

В свою очередь и церковь в лице своих иерархов не раз вступала в конфликт со светской властью. Так, патриарх Николай в один из церковных праздников запретил императору Льву VI со свитой войти в храм святой Софии, патриарх Полиевкт под угрозой отлучения от церкви вынудил императора Иоанна Цимисхия положить конец попыткам ограничить церковные привилегии, а упомянутый выше патриарх Керулларий заявлял, что между патриархом и императором по сути дела нет различий, но при этом права патриарха на получение различных почестей более значимы, чем у императора [7].

С не меньшей очевидностью в публикациях авторов консервативного направления просматривается стремление идеализировать социально-экономическую политику византийского государства, обнаруживая в ней проявление социального патернализма, отстаивание интересов крестьян-общинников, что выгодно отличало её от политики, проводившейся в странах феодальной Европы, и заложившей основы для возникновения капитализма.

Если взглянуть более объективно на соответствующие события из истории Византии, то речь идёт о том, что в IX–XI вв. набирал силу процесс феодализации. При этом начинает заметно сокращаться численность свободного крестьянства. Это было связано с тем, что под натиском крупных землевладельцев крестьянские общины начинают разоряться. Часть общинников уходит в города, многие оказываются в зависимости у разбогатевших членов общины или начинают искать помощь у феодалов (динатов), уступая им право собственности на землю, оказываясь на положении всецело зависимых людей (париков). Подобные ситуации создавали непосредственную угрозу для обороноспособности страны, так как уменьшился объём налоговых поступлений в государственную казну и сокращалась численность крестьян, способных к несению воинской службы. Обеспокоенные происходящим императоры из Македонской династии в X в. издают указы, призванные воспрепятствовать захвату динатами крестьянских земель и даже предполагавших возврат земель, захваченных у стратиотов – крестьян, несущих воинскую службу. Эта политика приходила в противоречие с интересами крупных феодалов, что и объясняет отказ от её проведения после того, как в 1057 г. на византийский престол взошла династия Комнинов, тесно связанная с малоазийской феодальной знатью.

Ещё одной отличительной чертой консервативного дискурса выступает абсолютизация влияния Византии на различные сферы жизнедеятельности Российского государства на всех этапах существования, что якобы и определило его историческую судьбу, специфику цивилизационного развития. С. В. Посадский, исходя из постулата о «нерасторжимости культурных уз» двух стран, причиной чего стало крещение Руси, пишет о «целостном вос-

приятии ею полноты византийской традиции», ставшей предметом «интегрального освоения» в «духовных актах непосредственной прямой трансляции», утверждая, что «передача духовного опыта Византии приобретает формы творческой трансплантации» и фундаментальных основ византийской культурно-цивилизационной парадигмы [25]. Это же видение российско-византийских взаимоотношений представлено в текстах других консервативно ориентированных авторов. По словам А. Г. Дугина, «византизм перешёл на Московское царство, которое стало Святой Русью», переняв «симфонию властей» и «введя патриаршество», вследствие чего русская монархия «изменила смысл, став универсальной и эсхатологически отмеченной». Что же касается социальной сферы, то «византийское влияние нашло выражение в доминировании общинного хозяйства» [8]. В конечном счёте, как пишет А. Устьян, Российская государственность получила свою историческую и политическую легитимизацию в «византийской идее» [33, с. 168]. Помимо этого, многие консервативно ориентированные авторы склонны концентрировать внимание главным образом на религиозных связях между двумя государствами, исходя из того, что основным проводником византийского влияния была церковь, которая способствовала новому политическому курсу [19].

Казалось бы, сказанное выше вполне согласуется с фактами, суждениями, выводами, представленными в целом ряде публикаций, в том числе в академических изданиях, относительно значения византийского влияния на формирование российской государственности, культуры, конфессиональной принадлежности.

Однако проблема заключается в том, что авторы, представляющие консервативный дискурс в византистике, делают основной акцент на цивилизационном значении принятия Русью христианства и обходят своим вниманием то, что культурная, политическая и даже религиозная рецепция со стороны Руси во многом была выборочная и неполная. Так, согласно позиции одного из наиболее крупных отечественных византистов И. С. Чичурова, тезис о том, что различные народы, принявшие крещение от Византии, полностью усваивали её политическую идеологию и религиозную доктрину, не соответствует действительности во многом потому, что подобные теории попросту отсутствуют. Что же касается «Древней Руси, то она воспринимала из византийского идеологического наследия далеко не всё и не целиком, сохраняя в представлениях о власти специфические черты, определяемые особенностями собственного общественного развития» [37]. Если византийское влияние отчётливо просматривалось в организации духовной жизни, литературе религиозно-эстетического содержания, изобразительном и прикладном искусстве, эстетике и стилистике древнерусской культуры, придав ей, по определению В. Лихачевой, одухотворённость и эмоциональную окрашенность [18, с. 229–300], отчасти в сфере организации образовательной деятельности [4], то не востребованной осталась античная философия,

естественнонаучные знания, римское право. Не получила воплощение над-национальная специфика общественно-политической жизни. Напротив, во многих литературных произведениях, вышедших из-под пера русских авторов, просматривались патриотические мотивы [26, с. 351–374, 436], а знаменитое «Слово о законе и благодати» и вовсе было завуалированной критикой византийского мессианизма [1, с. 51]. В религиозной сфере эта тенденция обнаруживалась в наделении христианских святых, по крайней мере, на уровне массового сознания, чертами языческих божеств. Причиной тому было отсутствие необходимых политических и социально-экономических предпосылок, делающих достижения византийской цивилизации в полной мере востребованными и поддающимися культурному освоению.

Можно предложить, что осознание очевидности этого факта заставляет некоторых авторов, представляющих консервативный дискурс, несколько иначе характеризовать русско-византийские отношения. Так, Е. С. Холмогоров, заявляя о «внутренней близости византийской и русской цивилизаций» и необходимости «распорядиться византийским наследством, доставшимся России, вынужден признать, что русская цивилизация в своих основаниях, структуре, устройении является существенно иной, чем византийская» [36]. Сходную позицию занимает П.В. Кузенков, по утверждению которого Россия как ни одна другая цивилизация связана с Византией. Вместе с тем он отмечает, что по целому ряду позиций можно обнаружить серьёзные отличия между ними, в частности по вопросу об отношении к верховному правителю, личность которого в России стала предметом чрезмерного почитания [29].

Поднимая вопрос об особенностях рецепции византийской культуры Русью, С. В. Леонов указывает на то, что её выборочность и ограниченность коренятся в принципиальном отличии исторических традиций Руси от византийских, несопоставимо более низким уровнем её общественного развития, выражением чего является отсутствие мощного централизованного государства, чёткой стратификации общества, неразвитость института частной собственности, товарно-денежных отношений, традиций грамотности, собственной литературы. При этом сохранились пережитки родоплеменного строя, язычества, обычаи кровной мести. С. В. Леонов, задаваясь вопросом, могут ли в подобных условиях в полной мере быть востребованы общественные, политические, правовые традиции Древнего Рима и классическая греческая философия, унаследованные Византией, даёт на него отрицательный ответ [16, с. 75]. Да и сама Византия, по замечанию заведующего кафедрой богословских дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института Д. М. Гззяна, была системой, мало склонной учить других. Подтверждением этому служит тот факт, что в отличие от средневековых университетов Западной Европы, ставшими «рассадниками свободомыслия», высшая школа в Византии существовала лишь для подготовки государственных чиновников, а после захвата турками Константинополя канула в небытие [5].

Что же касается Руси, то она не ходила в учениках у павшей империи, перенимая у неё те или иные цивилизационные достижения скорее вопреки, чем благодаря [5]. Такого рода заключение явно не вписывается в концептуальную структуру консервативного дискурса, склонного, как уже отмечалось, идеализировать византийскую цивилизацию и абсолютизировать степень её воздействия, по целому ряду параметров, на российское государство и общество на всех этапах их существования.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПРЕЕМНИЦЕЙ ВИЗАНТИИ?

Подобные установки своим логическим завершением имеют вывод, согласно которому Россия предстаёт как историческая непосредственная преемница Византии, в первую очередь, в духовном и государственно-политическом измерении, воплощение той же, что и Византия, модели цивилизационного развития, а потому с полным основанием может рассматриваться как «Третий Рим», если использовать знаменитое выражение монаха псковского Спасо-Елизарьева монастыря Филофея (1465–1542). Подтверждением тому, как утверждает И. Смирнова, служит принятие Иваном III новой политической идеологии, заключение брака с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог, заимствование на государственном уровне герба Восточной Римской империи в виде двуглавого орла, а впоследствии учреждение патриаршества и принятие российскими монархами царского и императорского титула [31].

Разделяя этот вывод, А. Б. Иванов пишет, что согласно позиции митрополита Филиппа и бояр, составлявших ближайшее окружение Ивана III, вступление в брак с Софьей Палеолог напоминает заключение «благословенного союза» киевского князя Владимира с византийской принцессой Анной, делает Москву как бы новой Византией и «даст монархам нашим права императоров греческих» [9, с. 65]. Как полагает А. Г. Дугин, после того, как Московское царство стало Святой Русью, переняв симфонию властей, византизм обретает новое место пребывания. Это значит, что Москва (то есть Русь) – это Третий Рим и обитель «катехона». Слова же Филофея: «Два Рима падоша, Третий стоит, а четвертому не быти» – выражают суть политической доктрины «русского национального утверждения» [8], определяющего национальную судьбу русского народа. В силу этого особенно недопустимо критическое освещение русской истории от 1453 г. до 1666 г., поскольку именно тогда был расцвет русского византизма. Реформа церкви патриарха Никона положила начало десакрализации Руси, на смену которой пришла петровская петербургская Россия, крестьянские общины попадают в кабалу эксплуататоров, а национальная идея Третьего Рима становится достоянием староверов. Возврат к византизму, делает вывод А. Г. Дугин, спонтанно происходит в период существования советской государственности, что нашло своё выражение в перенесении столицы в святой город – Москву, восстановлением патриар-

шества, жёстком противостоянии с Западом, возврат к общине, уничтожение эксплуататоров как класса. В итоге атеистическая власть по своим символическим аспектам совпадает с сакральными и чистыми парадигмами византизма, что знаменует возврат катехона.

Эту мысль разделял известный литературовед и критик, близкий к левому консерватизму, В. В. Кожин, писавший, что, несмотря на антирелигиозную пропаганду после 1917 г., Святая Русь подспудно и невидимо существовала всегда [14]. В то же время в своём истолковании идеи «Третьего Рима» он менее ориентирован на её привязку к современности. Обращаясь к истории средневековой Руси, В. В. Кожин подчёркивал, что эта идея созвучна духовному наследию Иосифа Волоцкого, а для её рождения предпосылкой стала победа официальной церкви над различными ересями, вместе с тем осуждая попытки приписать ей агрессивный и экспансионистский характер, поскольку в действительности она имела изоляционистскую направленность. Согласно позиции В. В. Кожина, Филофей ведёт речь не о государственном значении Первого, Второго и Третьего Рима, а о духовном бытии, совершающемся в рамках этих государств. Размышления же о «падении» Первого и Второго Рима призваны показать ту роковую опасность, которая грозит русскому православию [14].

Определение Москвы как Третьего Рима поддерживается не всеми авторами, представляющими консервативный дискурс. Так, историк и писатель П. Г. Паламарчук, задаваясь вопросом, почему образцом для подражания был избран Рим, положительное отношение к которому отсутствует в новозаветной традиции, писал, что вера в «вечность Рима» – составляющая часть римского язычества, а для первых христиан он отождествлялся с апокалиптической блудницей, и для русского человека эпохи средневековья этот образ не мог быть привлекательным. Причиной тому, согласно позиции П. Г. Паламарчука, было наличие среди церковных иерархов тайных еретиков. К их числу принадлежал московский митрополит Зосима, а наибольшим влиянием они пользовались в Псковской земле, где и находился Спасо-Елиزارов Великопустынный монастырь – место пребывания Филофея, в той или иной степени воспринявшего идеи, представленные в ереси стригольничества и «ереси жидовствующих». Учение Филофея, отмечает П. Г. Паламарчук, никогда не было частью государственной идеологии, поскольку не соответствовало потребностям исторического развития страны, а потому подвергалось критике ещё в эпоху феодализма со стороны таких политических мыслителей, государственных и церковных деятелей, как Максим Грек, Зиновий Отенский, Юрий Крижанич, патриарх Никон. Последний выдвинул альтернативную концепцию, проникнутую духом истинного православия «Москвы – Нового Иерусалима» [24]. Нужно отметить, что, несмотря на, казалось бы, существенные расхождения, все вышеназванные авторы в теоретико-методологическом плане близки друг другу, поскольку и в том и другом случае

провозглашается преемственность России с цивилизациями, оставившими заметный след в истории.

Что же касается современной России, то она, по мнению С. В. Посадского, будучи православной страной, выступает как средоточие православного мира, оплот христианских ценностей. В России и Византии православие выступило культуuroобразующим началом и духовным основанием исторического развития.

Актуальность подобной идентификации, по заявлению экс-министра культуры Российской Федерации А. С. Соколова, определяется тем, что она «напоминает ныне живущим, от каких пороков рухнули Рим первый и Рим второй, предупреждает о сложностях и величии пути к совершенству, но дарит надежду, что оно возможно» [12]. Более того, согласно точке зрения профессора В.Н. Ильина, озвученной им на Международном научно-богословском форуме в 2006 г., «идеологическим обеспечением решения задачи возрождения державной и духовной мощи России может стать идея “Россия – третий Рим”, что на организационном уровне предполагает введение конституционной диктатуры и мобилизационной экономики» [12].

Наиболее кратко суть данной трактовки взаимоотношений двух стран озвучил президент Медиасоюза журналист А. Любимов при вручении национальной премии за документальный фильм «Гибель империи. Византийский урок», заявив, что «имя России – Византия» [10].

Эти положения и выводы подобно тем, что были рассмотрены выше, не свободны от некоторых преувеличений относительно роли и значения Византии, её духовного, культурного, политического наследия в истории России. В первую очередь здесь следует подчеркнуть, что цивилизационная близость, степень цивилизационного родства стран и народов обусловлены влиянием целого ряда факторов географического, экономического, политического, социального, культурного характера. Их влияние определяет специфику цивилизации как общественного образования, те признаки, которые придают ей внутреннюю целостность, наиболее полно характеризуют её сущность. Как подчёркивает российский философ Г. Г. Дилигенский, эта сущность выражается в общих принципах, задающих смысл функционирования общества, разделяемых представителями различных социальных групп, выступающих носителями общего цивилизационного начала [6].

При этом последнее не является чем-то вечным и неизменным, поскольку меняются факторы, определяющие специфику цивилизации. С этой точки зрения средневековые цивилизации Византии и Руси формировались, как было указано выше, под воздействием далеко не всегда аналогичных факторов, что нашло выражение в неполной востребованности Русью культурных достижений Византии. Более того, с точки зрения С. А. Иванова, если государственно-политическое устройство Византии может ассоциироваться с российским, то говорить о сходстве культуры России и Византии нет должных

оснований, поскольку они абсолютно разные, что определяется разными климатическими условиями, этническими различиями, бытовыми привычками населения. В лучшем случае о наличии чего-то общего могут в совсем незначительной мере напоминать некие социальные формы, термины, да и то подвергшиеся трансформации [10]. Ещё меньше влияние византийского цивилизационного наследия просматривается в современной России, которая может быть определена как периферия капиталистической мир-системы; как страна, значительная часть жителей которой (прежде всего, молодёжь) в той или иной степени разделяет либеральные ценности.

Тем не менее, в условиях социальной гетерогенности, когда заметную остроту приобретает вопрос о поиске оснований культурной и политической идентичности, по словам социолога А. Ю. Швай, формируется система представлений, которая может быть дешифрована лишь при обращении к историко-культурным основаниям общества, что находит выражение в таких тенденциях, как увеличение роли церкви и усиление значимости церемониалов в практиках легитимизации власти, а также формирование цивилизационной идентификации, противопоставленной западноевропейской [38]. Однако указанные практики не столь социально и политически значимы, чтобы рассматривать их как выражение сущностных признаков современной христианской цивилизации, подобно тому, как это делает С. В. Посадский.

Помимо этого нельзя забывать, что влияние на Русь оказывала далеко не одна Византия. Так, по мнению С. А. Иванова, имеет место недооценка влияния западных стран на Древнюю Русь, в особенности Польши, Венгрии и Чехии [10]. По целому ряду направлений не менее значимым было воздействие на Русь цивилизаций Востока, основой которых выступал так называемый «азиатский способ производства», сопряжённый с наличием государства в форме восточной деспотии и преобладанием государственной собственности. В первую очередь речь идёт о влиянии Золотой Орды. Так, согласно выводам А. Н. Соляниченко и Г. И. Шеймердена, Орда сыграла немалую роль в изменении социально-политических отношений на Руси, будучи причастной к падению вече, изменению положения боярства, тягловому прикреплению простого люда, исчезновению города как феномена общественной жизни, введению воинской повинности и прямого налогообложения [32]. Эту мысль поддерживает С. А. Нефёдов, отметивший, что «в политическом отношении Москва много позаимствовала у Золотой Орды», в частности, построив административную и налоговую системы «по восточным образцам» [21, с. 35]. О готовности русских князей признавать непосредственное действие золотоордынского права на Руси, пишет Р. Ю. Почекаев [28, с. 425]. После свержения ордынского ига и возвышения в конце XV в. Османской империи в России началось частичное заимствование турецких порядков [27, с. 68]. Эта тенденция на уровне социальной практики нашла воплощение, начиная с правления Ивана III, в резком усилении великокняжеской власти, ужесточении на-

казаний, исходящих от государства, создании поместной системы землевладения, получив идеологическое оформление в челобитных И. Пересветова, в теории теократического абсолютизма Иосифа Волоцкого, учившего, что властью царь подобен Богу и потому должен быть самодержцем. Подобные учения возникли на русской почве в процессе симбиоза православных и исламских, восточных элементов, поскольку «заимствуя внешнюю форму культурных образцов, Русское государство формировало собственную конструкцию власти» [27]. Это обстоятельство позволяет понять причины того, что правители Московской Руси, именуемой в летописной публицистике и религиозно-канонических текстах «Третьим Римом», стремились, как пишет В. И. Постол, предстать в образе грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ» [27, с. 71].

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ВИЗАНТИИ

Исходя из сказанного, вопреки утверждениям авторов, представляющих консервативный дискурс, речь нужно вести не об идентичности цивилизационной модели развития Византии и средневековой России, а об их определенном выборочном сходстве. В первую очередь оно обнаруживается, если применить занимающий во многих науках почётное место компаративистский метод, в области религиозных и государственно-политических отношениях. Речь идёт о влиянии православия на различные сферы общественной жизни и монархической форме правления с элементами восточной деспотии.

Однако появление в начале XVI в. концепции «Москва – Третий Рим» не является результатом научного исследования, а было обусловлено ситуацией, возникшей после падения Византии, когда Россия осталась единственным православным государством, сохранившим независимость и способным противостоять Османской империи. Более того, как пишет М. С. Киселева, это позволило Руси претендовать «на роль духовного центра всего православного мира», представлять «Московского князя верховным блюстителем православной церкви, каким ранее был византийский император», что, в конечном счёте, благоприятствовало признанию «библейской версии мировой истории характера национального мифа» [13].

Основным аргументом в пользу утверждения, согласно которому Москва – это Третий Рим, было то, что Россия после падения Византии осталась единственным православным государством, сохранившим независимость, способным противостоять Османской империи, при этом преодолевшим государственно-политическую раздробленность, и в своем развитии эволюционировавшим первоначально в сторону сословно-представительной, а затем абсолютной монархии.

Применительно ко дню текущему, концепция «Москва – Третий Рим» несёт на себе отпечаток не просто политической метафоры, а предстаёт как целенаправленно формируемая мифологема, преподносимая как ядро иде-

ологии национальной мобилизации в условиях кризиса исторической государственности, русской идентичности, что было связано с распадом СССР, нанёсшим серьёзные травмы национальному самосознанию.

Отмечая тенденцию к мифологизации современной публицистикой образа «Третьего Рима», Н. В. Сеницына пишет, что в настоящее время «в него вкладывается имперское или мессианистическое, универсалистское или этноцентрическое, панегирическое или минорное содержание». При этом обращение «к истокам идеи обнаруживает иной её смысл», поскольку «средневековое мышление и сама историческая реальность были принципиально иными» [30, с. 9]. Впрочем, наполнение концепции Третьего Рима неоднозначными, меняющимися в зависимости от исторической ситуации смыслами, можно обнаружить уже в первое десятилетие после её появления. Так, если слова Филофея о том, что четвёртому Риму не бывать, воспринимались как предречение о приближающемся «конце света», наступление которого становилось неизбежным в случае упадка Русской церкви, то к началу XVII в. в различных сказаниях, например, в «Повести о новгородском белом клобуке», апокалиптические настроения сменяют «предчувствия яркого будущего Третьего Рима» [20]. Сама концепция Филофея была первоначально обозначена в 1523–1524 гг. в текстах неофициального характера и институализацию получала лишь в 1589 г., после того как была изложена в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора, учредившего Московский Патриархат, что должно было указывать на единство «священства» и «царства» [30, с. 11]. Однако даже это событие не означало, что Россия сформулировала транслируемую и на международном уровне ключевую государственную идею, суть которой заключалась в политических притязаниях на «византийское наследие». Как отмечает Н. В. Сеницына, политики и мыслители XVI в., не могли не понимать двусмысленности этой идеи, поскольку, восприняв функции и наследие империи, можно было повторить её судьбу и финал [30, с. 11]. Помимо этого, подобное притязание иницировалось не правящими кругами России, а папской курией и Священной Римской Империей германской нации, стремящихся вовлечь Россию в антитурецкую коалицию.

Важным, заслуживающим внимания аргументом в пользу отсутствия намерения России официально провозгласить себя наследницей павшей Византии, было упоминание о «Первом Риме», поскольку можно было при необходимости ограничиться определением митрополита Зосимы, ещё в 1492 г., объявившим Москву «Новым градом Константина». Говоря же о «Первом Риме», представители российской светской и духовной власти стремились выразить «русское» через «римское», подчёркивая связь России с европейским миром, включение «её в общий магистральный ход христианской истории», а вовсе не желали выразить «национальную или религиозную исключительность» [30, с. 13]. Только в XIX в., после череды русско-турецких войн, под влиянием так называемого «восточного опроса», идея «Третьего Рима» предстаёт как выражение претензии России на историческую роль, которую ранее играла Византия [30, с. 12].

На западное происхождение идеи «Москва – Третий Рим» указывает и С. А. Иванов, ссылаясь на решение венецианского Сената 1473 г., где речь шла о «союзе всех христианских государств» и привлечении к нему Великого князя Московского, которому должно принадлежать законное наследство, переходящее от Византии [10]. Помимо этого, образцом государственного величия для Великого князя Ивана III выступала не Византия, а империя Габсбургов, обоснованием же права венчания на царство, с точки зрения Ивана IV Грозного, было не родство с византийскими императорами, а завоевание Казани. Само же определение, согласно предположению С. А. Иванова, «Москва – Третий Рим» было сформулировано на 70–80 лет позднее, поскольку старец Филофей говорил о Ромейском царстве, а не Российском. И лишь по прошествии нескольких десятилетий в рукописях стало появляться её иная редакция.

Сходную точку зрения высказывает Д. М. Гззян, по мнению которого хотя падение Константинополя и стало событием, во многом определившим историю российской государственности и православия, было бы неверно утверждать в соответствии с привычной логикой, что Русь заимствовала у Византии якобы наличествующую мессианскую идею, в особенности принимая во внимание стремление «первого Рима» – Запада – «подсказать» Руси мысль о её праве «стать преемницей Византии». При этом, по замечанию Д. М. Гззян, все забывают, что идея Третьего Рима, высказанная иноком монастыря, расположенного на псковской земле, незадолго до этого вошедшей в состав русского государства, представляет собой лишь увещевание, обращённое к Василию III, о необходимости защищать православную веру и заботливо относится к «свежеприобретённым территориям» [5]. Об отсутствии притязаний русских государей на роль преемников византийских императоров, по замечанию Д. М. Гззяна, указывает и то, что Иван Грозный возводил свое царское достоинство к Октавиану Августу, а при Петре I воспроизводилась титулатура римского сената [5]. Помимо этого, как отмечает М. С. Киселёва, идея Третьего Рима, была призвана заставить утратившие былую независимость русские княжества «не только примириться с подчинением Москве, но и видеть в этом Промысел Божий [13, с. 168].

Интерес же к рассматриваемой концепции обозначается только к концу правления Екатерины II в связи с «греческим проектом», предполагавшим уничтожением Османской империи и возрождение Византии, императором которой должен был стать внук Екатерины II Константин [10]. По словам В. К. Кантора, с этих времён о «византийском наследстве» начали говорить в положительном ключе, поскольку «сквозь Византию разглядели античную Грецию – родоначальницу европейской культуры [11, с. 144]. В последующие годы эта концепция на официальном уровне приобретала популярность всякий раз, когда Россия вела военные действия против Турции. Последний раз это было после начала Первой Мировой войны, в особенности, когда русские войска вступили на её территорию [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных же условиях восприятие России в качестве цивилизационного аналога, духовной реинкарнации Византии, вызвано, как уже отмечалось, намерением целого ряда авторов, преимущественно консервативной ориентации, с одной стороны, выработать мобилизующую национальную идеологию, а с другой – производно от ценностных установок, характерных для идеологии консерватизма, ключевой из которых выступает приверженность традиции, реальной или мнимой, идёт ли речь о конфессиональной принадлежности, государственно-политических институтах и т. д. Однако встаёт вопрос о том, насколько рисуемая картина соответствует истине. Давая на него отрицательный ответ, признавая некоторое сходство цивилизационного развития Византии и России, но отвергая тезис об их цивилизационной идентичности и справедливости определения Москвы как «Третьего Рима», следует задуматься о том, насколько целесообразно привносить в массовое сознание миф о непосредственной духовной и политической преемственности между Византией и Россией, сколь долговременен будет желаемый мобилизационный эффект, если вообще он будет иметь место. Очевидно, что наличие намерения взяться за исполнение той или иной политической роли, ранее исполняемой другим политическим актором, нельзя рассматривать в качестве основания для идентификации с ним. Более того, подобная самоидентификация сопряжена не только с желанной возможностью обозначить государственно-политическую, культурную, духовную значимость российской цивилизации, но и позволяет геополитическим оппонентам приписывать черты, качества, сущностные характеристики, ей не свойственные, но оцениваемые крайне негативно при условии, если они хоть в какой-то степени были присущи цивилизации Византии. Попытки такого рода, как отмечалось выше, были неоднократны. Выстраивание серьёзной долговременной стратегии в сфере как внешней, так и внутренней политики предполагает анализ всей совокупности факторов, определивших в предшествующие эпохи специфику национального развития страны, изучение и сравнение своего и чужого опыта, не забывая при этом, чьим он является в конечном счёте, помня о своей истории, не пренебрегая своей идентичностью.

Россия – это самостоятельная цивилизация, и у неё собственная модель цивилизационного развития, а потому, несмотря на заметное влияние Византии, нельзя буквально воспринимать утверждение о существовании непосредственной преемственности между ними. Любые попытки подобного рода не только искажают картину прошлого, но и мешают адекватно оценить то состояние, в котором пребывает современная Россия.

В этой связи уместно вспомнить фильм «Гибель империи. Византийский урок», авторы которого, будучи обеспокоенными наличием разного рода угроз и вызовов, подрывающих основы российской государственности, ис-

ходя из представлений о существенном сходстве общественно-политических процессов в средневековой Византии и современной России, попытались специфические реалии российской политической жизни перенести на византийскую почву, что вызвало неоднозначную реакцию не только в научных, но и церковных кругах. Так, по мнению вице-президента Российского комитета византистов Н. В. Бибикова, высказанного им в ходе беседы с представителем РПЦ игуменом Андрианом, недопустимо «описывать древность в категориях бандитских разборок, в категориях современной политической борьбы», а «всякое приклеивание ярлыков сегодняшнего дня к событиям прошлого есть искажение»⁸. А патриарх Алексий II предпочёл дистанцироваться от позиции автора фильма, заявив, что «не надо сравнивать события, которые происходили в Византии, с нашим временем, на надо проводить параллели» [цит. по: 10].

Очевидно, что субъективистское проведение аналогий между цивилизациями двух стран через сопоставление исторических событий, повлиявших на их судьбы, чревато серьёзными заблуждениями, непростительными ошибками не только научного, но и политического характера. Особенно нежелательна, исходя из задач по поддержанию национальной безопасности, ситуация, предполагающая, что идеи цивилизационной идентичности Византии и России буквально воспримут и возьмут на вооружение ведущие политические силы страны, забыв о печальном завершении византийской истории. Здесь уместно вспомнить предостережение Н. Макиавелли, о том, что осуществляя управление государством правитель без должных на то оснований не должен ни подражать, ни уподобляться другим носителям власти, но задумываясь при этом о возможности позаимствовать у державной власти «то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность»⁹.

Что же касается теоретического конструирования, направленного на формирование идеологии национальной идентичности и мобилизации (попытки такого рода на протяжении последних трёх десятилетий предпринимают не только представители консервативного дискурса), то его эффективность будет во многом связана с научным и объективным выявлением глубинных факторов, определяющих специфику цивилизационного развития и историческую судьбу России, не преуменьшая, но и не преувеличивая при этом византийского влияния.

Неоправданная идеологизация уводит в сторону от истины. Познание далёкого прошлого, как и событий для сегодняшнего дня, должно быть максимально объективным. Без гнева и пристрастия (*Sine ira et studio!*).

⁸ Интервью с М. В. Бибиковым об истории и современном состоянии российской византологии // Василевс. Українська візантиністика : [сайт]. <https://byzantina.wordpress.com/2012/12/08/bibikov/> (дата обращения: 19.11.2019).

⁹ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Сочинения : пер. с итал. М., 1998. С. 105–106.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Российский патриотизм: история и современность : монография. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 183 с.
2. Васильев А. А. История Византийской империи : в 2 т. Т. 1: Время до крестовых походов (до 1081 года) / пер. с англ. А. Г. Грушевого. СПб.: Алетейя, 2000. 510 с.
3. Вититнев С. Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.
4. Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Греко-Византийское влияние в истории отечественного образования: от монастырских школ до Славяно-греко-латинской академии // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России : сборник научных трудов / отв. ред. О. В. Розина; науч. ред. В. Э. Багдасарян. 1 CD-ROM (12,5 Мб.). М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 34–44.
5. Гззян Д. М. Русь решила стать преемницей Византии с чужой подсказки // Огонёк. 2013. № 20. С. 2.
6. Дигиленский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций // Библиотека Гумер : [портал]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Dil_KonIst.php (дата обращения: 19.11.2019).
7. Диль Ш. История Византийской империи / пер. с фр. А. Е. Рогиской; под ред. и предисл. Б. Т. Горянова. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 160 с.
8. Дугин А. Г. Абсолют византизма // Дугин А. Г. Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. Т. 1 : в 3 ч. Ч. 1. М.: Арктогея, 2001. URL: <http://arcto.ru/article/48> (дата обращения: 10.12.2019).
9. Иванов А. Б. Третий Рим: Русь XIV–XVII вв. М.: АО Книга и бизнес, 1996. 126 с.
10. Иванов С. А. Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании : лекция // Полит.ру. [Сайт] URL: <https://polit.ru/article/2009/04/14/vizant/> (дата обращения: 08.11.2019).
11. Кантор В. К. «Москва – Третий Рим»: реалии и жизнь мифа // Вестник Европы: The Herald of Europe. Журнал европейской культуры. 2013. № 36. С. 144–152.
12. Качалова А. Москва – третий Рим. 500 лет спустя // Накануне.ru [20.12.2006]. URL: https://www.nakanune.ru/articles/moskva_tretijj_rim (дата обращения: 08.11.2019).
13. Киселева М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: Индрик, 2000. 254 с.
14. Кожин В. В. От Византии до Орды: история Руси и русского слова. М.: Эксмо : Алгоритм, 2011. 556 с.
15. Козловская Н. В. К проблеме значения лексем византизм и византивизм // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 91–98.
16. Леонов С. В. К вопросу о влиянии Византии на русскую историю // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6 (12). С. 67–76.
17. Лидов А. М. Всплывающая Византия // Эксперт Online. URL: <https://expert.ru/expert/2014/23/vsplyivayuschaya-vizantiya/> (дата обращения: 19.11.2019).

18. Лихачева В. Д. Искусство Византии IV–XV веков. 2-е изд., испр. Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1986. 308 с.
19. Мейендорф И. Ф. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. / пер. с англ. Париж: YMCA-press, 1990. 442 с.
20. «Москва – Третий Рим»: история спекуляции // Arzamas.academy: [портал]. URL: <https://arzamas.academy/materials/324> (дата обращения: 10.12.2019).
21. Нефёдов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.
22. Норвич Д. Д. История Византии; История Венецианской республики / пер с англ.: Н. Забилоцкий и др. М.: АСТ: Астрель, 2011. 958 с.
23. Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / пер.: А. В. Гризотова и др. М.: ВРС, 2012. 654 с.
24. Паламарчук П. Г. Москва или Третий Рим?: Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М.: Современник, 1991. 363 с.
25. Посадский С. В. Россия как преемница Византии : Доклад Центра Гуманистической Экологии и Культуры на заседании Экспертного Центра ВРНС // Всемирный Русский Народный Собор : [сайт]. URL: <https://vrns.ru/expert-center/4781> (дата обращения: 19.11.2019).
26. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. СПб.: Санкт-Петербургское Общество византино-славянских исследований, 1996. 572 с.
27. Постол В. И. К вопросу об особенностях русской власти: религиозные идеалы и политические практики // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 68–73.
28. Почекаев Р. Ю. И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 6. С. 415–457.
29. Пущаев Ю. Россия теснейшим образом связана с Византией, но знает о ней очень мало : Беседа с историком Павлом Кузенковым // Pravoslavie.ru. [Сайт] URL: <https://pravoslavie.ru/113387.html> (дата обращения: 08.11.2019).
30. Синицына Н. В. «Третий Рим»: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI) / Институт российской истории РАН, Международный семинар «Da Roma alla Terza Roma». М.: Индрик, 1998. 410 с.
31. Смирнова И. Византийское наследие Руси // Пемптусия : сайт о Святой Горе, мудрости и святости. URL: <https://www.pemptousia.ru/> (дата обращения: 08.11.2019).
32. Соляниченко А. Н., Шеймерден Г. И. К вопросу о влиянии Золотой Орды // История и археология [Электронный журнал]. 2014. № 2 (10). URL: <http://history.snauka.ru/2014/02/864> (дата обращения: 07.11.2019).
33. Устьян А. Р. Неовизантизм как евразийская геополитическая стратегия развития России в XXI веке: монография. М.: Международный институт социальных наук, 2002. 215 с.
34. Харрис Д. Византия: история исчезнувшей империи / пер. с англ. Н. Нарциссовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 384 с.

35. Херрин Д. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2017. 414 с.
36. Холмогоров Е. С. Византизм как идея // Viperson.ru [11 февраля 2008]. URL: <http://viperson.ru/articles/egor-holmogorov-vizantizm-kak-ideya> (дата обращения: 14.11.2019).
37. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь: к XVIII Международному конгрессу византистов. М.: Наука, 1991. 173 с.
38. Швая А. Ю. Феномен византизма в политической культуре современной России // Власть и элиты. 2017. Т. 4. С. 204–255.

REFERENCES

1. Abramov A. V. *Rossiiskii patriotizm: istoriya i sovremennost'* [Russian patriotism: history and modernity]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. 183 p.
2. Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire (Russ. ed.: Grushevoi A. G., trans. *Istoriya Vizantiiskoi imperii : v 2 t. T. 1: Vremya do krestovykh pokhodov (do 1081 goda)*). St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 510 p.)
3. Vititnev S. F. [Modern Russian conservatism and the political process]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 5, pp. 227–240.
4. Vititnev S. F., Shmeleva A. V. [Greco-Byzantine influence in the history of national education: from monastery schools to the Slavic-Greek-Latin Academy]. In: Rozina O. V., ex. ed.; Bagdasaryan V. E., science ed. *Dukhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kul'ture Rossii : sbornik nauchnykh trudov* [The spiritual heritage of Byzantium and Athos in the history and culture of Russia: a collection of scientific papers]. 1 CD-ROM (12,5 Mb). Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 34–44.
5. Gzgzyan D. M. *Rus' reshila stat' preemnitsei Vizantii s chuzhoi podskazki // Ogonek. 2013. no 20. p.32*
6. Digilenskii G. G. ["The End of History" or the change of civilizations]. In: *Biblioteka Gumer* [Humer Library]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Dil_Konlst.php (accessed: 19.11.2019).
7. Diehl Ch. Histoire de L'empire byzantin. Paris, 1934 (Russ. ed.: Rogiskaya A. E., transl.; Goryanov B. T. ed. and foreword. *Istoriya Vizantiiskoi imperii*. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature Publ., 1948. 160 p.).
8. Dugin A. G. [The absolute of Byzantism]. In: Dugin A. G. *Russkaya veshch' Ocherki natsional'noi filosofii: v 2 t. T. 1 : v 3 ch. Ch. 1.* [Russian thing. Essays on national philosophy: in 2 vols. T. 1: in 3 parts. Part 1]. Moscow, Arktogeya Publ., 2001. Available at: <http://arcto.ru/article/48> (accessed: 10.12.2019).
9. Ivanov A. B. *Tretii Rim: Rus' XIV–XVII vv.* [Third Rome: Rus' XIV–XVII centuries]. Moscow, JSC Book and business Publ., 1996. 126 p.
10. Ivanov S. A. [Second Rome through the eyes of the Third: The evolution of the image of Byzantium in Russian public consciousness: a lecture]. In: *Polit.ru*. Available at: <https://polit.ru/article/2009/04/14/vizant/> (accessed: 08.11.2019).
11. Kantor V. K. ["Moscow – Third Rome": realities and life of myth]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 2013, no. 36, pp. 144–152.

12. Kachalova A. [Moscow is the third Rome. 500 years later]. In: *Nakanune.ru*. Available at: https://www.nakanune.ru/articles/moskva_tretij_rim (accessed: 08.11.2019).
13. Kiseleva M. S. *Uchenie knizhnoe: tekst i kontekst drevnerusskoi knizhnosti* [Book doctrine: text and context of Old Russian bookishness]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 254 p.
14. Kozhinov V. V. *Ot Vizantii do Ordy: istoriya Rusi i russkogo Slova* [From Byzantium to the Horde: the history of Russia and the Russian word]. Moscow, Eksmo, Algoritm, 2011. 556 p.
15. Kozlovskaya N. V. [On the problem of the meaning of lexemes Byzantism and Byzantivism]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2013, no. 3 (45), pp. 91–98.
16. Leonov S. V. [On the question of the influence of Byzantium on Russian history]. In: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: scientific research], 2012, no. 6 (12), pp. 67–76.
17. Lidov A. M. [Emerging Byzantium]. In: *Expert Online*. Available at: <https://expert.ru/expert/2014/23/vsplyivayuschaya-vizantiya/> (accessed: 19.11.2019).
18. Likhacheva V. D. *Iskusstvo Vizantii IV–XV vekov* [The art of Byzantium of the IV–XV centuries]. Leningrad, Art, Leningrad branch, 1986. 308 p.
19. Meyendorff J. *Vizantiya i Moskovskaya Rus': Oчерk po istorii tserkovnykh i kul'turnykh svyazei v XIV v.* [Byzantium and Moscow Rus': An Essay on the History of Church and Cultural Relations in the 14th century]. Paris, YMCA-press Publ., 1990. 442 p.
20. ["Moscow – the Third Rome": the history of speculation]. In: *Arzamas.academy*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/324> (accessed: 10.12.2019).
21. Nefedov S. A. [Reforms of Ivan III and Ivan IV: Ottoman Influence]. In: *Voprosy istorii* [History issues], 2002, no. 11, pp. 30–53.
22. Norwich J. J. A Short History of Byzantium. A History of Venice (Russ. ed.: Zabilotskii N., et al., transl. *Istoriya Vizantii; Istoriya Venetsianskoi respubliki*. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2011. 958 p.)
23. Obolensky D. D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. Six Byzantine Portraits (Russ. ed.: Grizontova A. V., et al., transl. *Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov*. Moscow, VRS Publ., 2012. 654 p.)
24. Palamarchuk P. G. *Moskva ili Tretii Rim? : Vosemnadsat' oчерkov o russkoi istorii i slovesnosti* [Moscow or the Third Rome? : Eighteen Essays on Russian History and Literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 363 p.
25. Posadskii S. V. [Russia as the successor of Byzantium: Report of the Center for Humanist Ecology and Culture at a meeting of the Expert Center of the World Russian People's Cathedral]. In: *Vsemirnyi Russkii Narodnyi Sobor* [World Russian People's Cathedral]. Available at: <https://vrns.ru/expert-center/4781> (accessed: 19.11.2019).
26. Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237) (Russ. ed.: Nazarenko A. V., transl.; Akent'ev K. K., ed. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237)*. St. Petersburg, St. Petersburg Society of Byzantine-Slavic Studies Publ., 1996. 572 p.)

27. Postol V. I. [To the question of the peculiarities of Russian power: religious ideals and political practices]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2016, no. 2 (40), pp. 68–73.
28. Pochekaev R. Yu. [And again on the question of the action of the Golden Horde legal institutions in Russia]. In: *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2016, no. 6, pp. 415–457.
29. Pushchaev Yu. [Russia is closely connected with Byzantium, but knows very little about it: Conversation with historian Pavel Kuzenkov]. In: *Pravoslavie.ru*. Available at: <https://pravoslavie.ru/113387.html> (accessed: 08.11.2019).
30. Sinitsyna N. V. «Tretii Rim»: istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI) [“Third Rome”: the origins and evolution of the Russian medieval concept (XV–XVI)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 410 p.
31. Smirnova I. [Byzantine heritage of Russia]. In: *Pemptusiya : sait o Svyatoy Gore, mudrosti i svyatosti* [Pemptusiya : site about Holy Mountain, wisdom and holiness]. Available at: <https://www.pemptousia.ru/> (accessed: 08.11.2019).
32. Solyanichenko A. N., Sheimerden G. I. [On the question of the influence of the Golden Horde]. In: *Istoriya i arkheologiya* [History and Archeology], 2014, no. 2 (10). Available at: <http://history.snauka.ru/2014/02/864> (accessed: 07.11.2019).
33. Ustyan A. R. *Neovizantizm kak evraziiskaya geopoliticheskaya strategiya razvitiya Rossii v XXI veke* [Neo-Byzantism as a Eurasian Geopolitical Strategy for the Development of Russia in the XXI Century]. Moscow, International Institute of Social Sciences Publ., 2002. 215 p.
34. Harris J. Byzantium (Russ. ed.: Nartsissova N., transl. *Vizantiya: istoriya ischeznuvshei imperii*. Moscow, Al'pina non-fiction, 2017. 384 p.).
35. Herrin J. Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire (Russ. ed.: Igorevskii L. A., transl. *Vizantiya. Udivitel'naya zhizn' srednevekovoi imperii*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. 414 p. (Memorialis)).
36. Kholmogorov E. S. [Byzantism as an idea]. In: *Viperson.ru*. Available at: <http://viperson.ru/articles/egor-holmogorov-vizantizm-kak-ideya> (accessed: 14.11.2019).
37. Chichurov I. S. *Politicheskaya ideologiya srednevekov'ya: Vizantiya i Rus': k XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [The political ideology of the Middle Ages: Byzantium and Russia: to the XVIII International Congress of Byzantinists]. Moscow, Science Publ., 1991. 173 p.
38. Shvaya A. Yu. [The phenomenon of Byzantinism in the political culture of modern Russia]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2017, vol. 4, pp. 204–255.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.01.2020

Статья размещена на сайте: 19.05.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; e-mail: lug-anna@yandex.ru

Sergey F. Vititnev – Doctor of Historical sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva – PhD in Philological sciences, Associate Professor, Head at the Department of Methods of Teaching Russian language and Literature, Moscow Region State University; e-mail: lug-anna@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Византийская цивилизация и ее влияние на исторические судьбы России как предмет осмысления в рамках консервативного общественно-политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Vititnev S. F., Shmeleva A. V. Byzantine civilization and its influence on the historical destiny of Russia as a subject of comprehension within the framework of conservative socio-political discourse In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.